

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии, аннотации, отзывы

С.Т. МЕЛЮХИН. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ: НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ. В 3 т.

Том 1. Лекции. Воспоминания. – М., 2010. – 232 с.

Том 2. Философская онтология. – М., 2010. – 456 с.

**Том 3. Философская онтология сегодня. Научные статьи.
– М., 2010. – 384 с.**

А.М. АНИСОВ

Выход в свет трехтомника, посвященного памяти члена-корреспондента Академии наук СССР Серафима Тимофеевича Мелюхина (1927 – 2003) является значительным событием в российской философии. С.Т. Мелюхин был выдающимся философом, который сумел в жестких условиях советского времени разработать глубоко продуманную и научно обоснованную систему философской онтологии. Наступившая в конце 50 – 60-х годов «оттепель» позволила Серафиму Тимофеевичу создать деидеологизированный диалектико-материалистический вариант онтологической картины мира, опирающийся на фундамент современного естествознания. И это произошло во времена, когда само существование онтологии как раздела философии подвергалось сомнению и оспаривалось со ссылкой на догмы марксизма-ленинизма.

Первый том содержит не опубликованные при жизни С.Т. Мелюхина лекции по философии для аспирантов и студентов, а также воспоминания о нем знавших его и работавших вместе с ним коллег (выпадает из этого ряда статья: *П.Е. Сивоконь*. Кафедра философии для естественных факультетов: тенденции, стимулы, перспективы). Особенно интересны воспоминания Нины Тимофеевны Абрамовой, сестры Мелюхина. Из них мы узнаем о жизненном пути Серафима Тимофеевича, выросшего в простой крестьянской семье и сумевшего благодаря незаурядному таланту и характеру не только закончить философский факультет Московского университета и аспирантуру при Институте философии, но и стать одним из ведущих советских философов. С.Т. Мелюхин был деканом философского факультета МГУ и долгие годы заведовал основной кафедрой этого факультета – кафедрой диалектического материализма.

Второй том составлен из обширных фрагментов главных работ С.Т. Мелюхина. К сожалению, упущением редакционной коллегии трехтомника следует считать отсутствие библиографического списка хотя бы основных трудов С.Т. Мелюхина, не говоря уже о полном списке. В опубликованных в трехтомнике фрагментах отсутствуют также ссылки

на первоисточники. Исключением является воспроизведенная в 3-м томе статья С.Т. Мелюхина «Преимственность знания и интеграция науки» из сборника «Единство научного знания» (М., 1988). В отношении 1-го тома это может быть оправдано, поскольку работу над вводными лекциями по системной онтологии Серафим Тимофеевич завершить не успел. Но то, что в самом большом по объему 2-м томе, содержащем только выдержки из работ С.Т. Мелюхина, отсутствуют ссылки на источники этих фрагментов, существенно затрудняет поиск места и контекста их появления.

Второй том состоит из двух частей: «Материальное единство мира. Материя и ее атрибуты» и «Движение, взаимосвязь и развитие в материальном мире». В первой части представлена статическая сторона философской онтологии. Здесь обсуждаются следующие основополагающие проблемы: единство мира, абсолютность и сохраняемость материи, прерывность и непрерывность материи, пространство и время как атрибуты материи, бесконечность пространства и времени, философская интерпретация результатов космологии. Во второй части разрабатывается динамический аспект философской онтологии, охватывающий следующие основные проблемы: формы саморазвития материи, законы причинной связи прошлого и будущего в развитии, закономерности развития материи, всеобщий характер взаимодействия и движения и их универсальные свойства, неисчерпаемость элементарных частиц материи.

Обе части вместе занимают четыре с половиной сотни страниц убоистого текста. Чем же этот текст заполнен, каково его содержание? Примерно на девять десятых это данные и результаты естественных наук, преимущественно физики (особенно таких ее разделов, как теория относительности, космология, квантовая механика), вплетенные в философские рассуждения. По-видимому, на этом основании некоторые философы относят онтологические труды С.Т. Мелюхина к натурфилософии. Например, В.Я. Перминов считает эти исследования разновидностью натурфилософии (*Перминов В.Я.* Научная онтология С.Т. Мелюхина. — Т. 3. — С. 6). В предисловии к трехтомнику В.В. Миронов пишет: «Сферой научных интересов Мелюхина была философская онтология, интерпретируемая им с позиций материализма, то есть, если угодно, натурфилософия» (*Миронов В.В.* Предисловие. — Т. 1. — С. 7). Конечно, если эту характеристику принять за определение натурфилософии, то спорить не о чем. Но все же исторически сложилось так, что под «натурфилософией» обычно понимают нечто другое. С.А. Лебедев следующим образом характеризует натурфилософию: «Суть натурфилософской концепции выражается формулами типа: «Философия — наука наук», «Философия — царица наук», «Любая частная наука есть прикладная философия», и т.п. Согласно этим формулам «всеобщие истины» философии по своему гносеологическому статусу выше истин естествознания» (*Лебедев С.А.* Взаимосвязь философии и естествознания: основные концепции. — Т. 3. — С. 297).

С так понимаемой натурфилософией С.Т. Мелюхин почти не имел ничего общего. Ему совершенно чуждо было стремление диктовать естествоиспытателям, как им следует работать и чем при этом руководство-

ваться. Но тогда почему же «почти»? Дело в том, что если ученые (речь, конечно, идет о зарубежных ученых) приходили к выводам, противоречащим основным положениям диалектического материализма, они получали со стороны Мелюхина вполне предсказуемый отпор. Но даже в этих случаях Серафим Тимофеевич был слишком деликатен для философа советских времен. Всего дважды он говорит о фидеизме в науке (Т. 2. — С. 193, 198) в связи с выводами из некоторых космологических теорий, но при этом тут же замечает: «Однако из этого не следует делать вывод о том, что все зарубежные космологические теории должны быть целиком отброшены, что релятивистская космология... — это лженаучная теория, как это утверждалось в некоторых статьях. В релятивистской космологии имеется много рациональных моментов и глубоких положений, которые должны быть использованы и развиты дальше» (Т. 2. — С. 193).

В этой связи возникает вопрос о том, какого рода основания лежат в основе рассуждений и оценок С.Т. Мелюхина? Представляется, что таких оснований всего три. Во-первых, это основные положения диалектического материализма. Во-вторых, критически переосмысленная история философии и науки. Наконец, в-третьих, это опора на факты и результаты, полученные современным естествознанием. Первое основание было неизбежным в тех исторических условиях в том смысле, что подвергать его сомнению было равнозначно лишению права публиковать свои философские взгляды. Оставалась еще возможность лишь декларативного следования марксистским догмам. Однако С.Т. Мелюхин, как видно из его работ, был искренним диалектическим материалистом. При этом положения материалистической диалектики были для него не догмами, а, если можно так выразиться, граничными условиями философского дискурса.

Проиллюстрируем сказанное на примере реконструкции философского обоснования Мелюхиным идеи бесконечности вселенной в пространстве и времени (или, более точно, как правильно отмечал Серафим Тимофеевич, идеи пространственной и временной бесконечности Вселенной). Граничным условием в данном случае (как и во многих других) является утверждение, что *в мире нет ничего* (1), *кроме движущейся* (2) *материи*. Многие космологические теории приходят к выводу о существовании начала времени. Но тогда либо материя существовала вне времени за пределами момента t_0 , либо материя возникла из ничего в момент t_0 . В первом случае нарушается условие атрибутивности (2), так как движение — неотъемлемый атрибут материи, но движение материи вне времени невозможно; во втором — условие полноты материального бытия (1), ибо наряду с материей существует неведомое ничего, или ничто. Далее сделанный вывод подкрепляется соответствующими историко-философскими и историко-научными аргументами, а также альтернативными космологическими теориями, отрицающими начало времени. Таким образом, в данном вопросе господствующая точка зрения в современной космологии (признание начала времени) отвергается, в первую очередь, из-за нарушения философских граничных условий (1) и (2). В целом аргументация выглядит практически безупречной в логическом отношении.

Что касается положения о пространственной бесконечности Вселенной, то здесь, на наш взгляд, найти убедительные аргументы не удалось. Утверждение автора о логической противоречивости понятия конечного пространства основывается на ошибочном тезисе о том, что «конечность чего-либо можно доказать на основе определения его границ» (Т. 2. — С. 173). Однако надо различать бесконечное и безграничное. Пространство может быть конечным, но безграничным, как не имеющие границ конечные окружности, сферы и гиперсферы. Сложившаяся ситуация вызывает недоумение, так как С.Т. Мелюхин был прекрасно осведомлен об упоминавшемся различии между бесконечным и безграничным. Так, он совершенно верно указывает, что «структура риманова пространства положительной кривизны подобна форме поверхности Земли, которая безгранична, поскольку нигде нет ее конца, но тем не менее конечна» (Т. 2. — С. 192). Как уже говорилось, первоисточники приводимых высказываний в рецензируемом издании не указаны, поэтому остается только гадать, относятся ли процитированные высказывания к разным временам и текстам, или нет.

Последний пример может служить иллюстрацией к еще одной важной характеристике онтологических работ С.Т. Мелюхина. Буквально каждое выдвигаемое им положение (за исключением, разумеется, граничных условий) может быть подвергнуто критике с помощью релевантных в системе автора утверждений и рассуждений. Эта потенциальная фальсифицируемость, согласно критерию К. Поппера, уже делает работы Мелюхина *научными*. В итоге эти работы следует отнести к *ориентированной на естествознание научной философии*. Но и философские работы некоторых позитивистов и неопозитивистов (например, Г. Рейхенбаха) также опирались на результаты естествознания (физики, в первую очередь) и были безусловно научными. Но из этого сходства не вытекает, что рассматриваемые работы надо оценить как позитивистские.

Напротив, они как раз антипозитивистские, поскольку С.Т. Мелюхин явно исходил из определенных метафизических убеждений и приходил к столь же метафизическим выводам. Это давало ему возможность критически относиться к конкретным научным теориям, видеть границы их возможных интерпретаций и по сути предсказывать некоторые аспекты будущего развития науки. Это становится ясным по прошествии вот уже столетия со времени появления его основных трудов.

Обратимся к фактам. С.Т. Мелюхин негативно оценил многочисленные и авторитетные в зарубежном научном и философском сообществе его времени попытки отождествить Вселенную с Метагалактикой. Он не отрицал ни возможность возникновения Метагалактики, ни ее конечность. Чисто философские, метафизические возражения у него возникали именно против упомянутого отождествления. Опираясь на разработанную им онтологию, Серафим Тимофеевич указывал, что Вселенная не исчерпывается Метагалактикой, что Метагалактика не единственна и т.п. И что мы видим сегодня? В новейших физических теориях эти предвидения Мелюхина нашли полное подтверждение. Физики и космологи заговорили о мультиверсуме, о множественности Вселенных,

об инфляционном раздувании, порождающим многочисленные миры, в которых наш — лишь один из многих и т.д. (подробнее см.: *Павленко А.Н.* Идеалы рациональности в современной науке. — Т. 3).

Третий том состоит из работ современных российских философов (за исключением упомянутой выше статьи Мелюхина), которые так или иначе разрабатывают круг онтологических и других философских проблем, интересовавших самого Серафима Тимофеевича. Первая часть тома содержит статьи по проблемам онтологии, вторая часть посвящена проблемам развития, третья — вопросам единства научного знания. Материалы этого тома показывают, что поставленные С.Т. Мелюхиным проблемы и вопросы не только не утратили актуальности, но активно исследуются нынешним поколением философов. Обсуждение всех 24-х работ из 3-го тома недопустимо увеличило бы объем рецензии. Поэтому ограничимся лишь некоторыми статьями, которые напрямую связаны с центральными проблемами, исследовавшимися С.Т. Мелюхиным.

Том открывается статьей В.Я. Перминова «Научная онтология С.Т. Мелюхина». Проведя обстоятельный разбор содержания и направленности работ Мелюхина, В.Я. Перминов приходит к выводу, что в их основе лежат три типа философских мировоззренческих положений. Во-первых, это предельные обобщения, имеющие силу в любой сфере реальности (например, принцип причинности). Во-вторых, это положения, выходящие за пределы конкретной науки и оказывающие влияние за ее пределами (таковы принципы диалектики). В-третьих, это утверждения, выходящие за пределы любого возможного опыта и эксперимента (например, суждение о бесконечности мира в пространстве и времени. — Т. 3. — С. 12).

Заслуживают внимания заключительные замечания В.Я. Перминова (Т. 3. — С. 20 — 22). Он считает, что 60-е годы были наиболее благоприятными для развития философии в нашей стране. В настоящее время, несмотря на обилие переводных работ, сама возможность философии науки ставится под вопрос: «Не может быть востребованным и авторитетным методологическое мышление в стране, где исчезает сама наука» (С. 21).

В статье В.В. Миронова «Философские категории онтологии: бытие и небытие, субстанция» обосновывается необходимость обращения не только к категории бытия, но и к ее противоположности — категории небытия, несмотря на ее парадоксальность, отмеченную еще Парменидом (ведь сам акт мысли о небытии делает его как бы существующим). Выход автор видит в различении в духе Н. Гартмана несводимых друг к другу, иерархически устроенных слоев бытия, выступающих по отношению к друг другу в качестве инобытия. За всеми этими слоями человеческая мысль силится обнаружить глубинный вид бытия — субстанцию как причину всех других видов бытия и причину самой себя.

Вопросы о принципах, позволяющих выработать общую картину единого процесса развития природы и общества, рассматриваются в работе В.С. Степина «Универсальный эволюционизм — основа современной картины мира». В истоках универсального эволюционизма лежат теория нестационарной Вселенной, теория самоорганизации (синергетика) и

теория биологической эволюции (включая концепции биосферы и ноосферы). Принципы универсального эволюционизма становятся основой построения целостной общенаучной картины мира, включающей в себя новые типы объектов — саморазвивающиеся системы, требующие поиска новых научных методов их анализа. «В итоге относительная изолированность специальных картин мира... сменяется их интеграцией в рамках общенаучной картины мира» (Т. 3. — С. 181). В настоящее время появились реальные основания для включения в эту единую картину мира объединенных естественных и гуманитарных наук.

В статье Н.Т. Абрамовой «Единство знания как проблема: разнообразие линий реконструкции единства» обсуждаются различные стратегии в обосновании единства знания. Первая такая стратегия связана с идеей подобия, позволяющей преодолевать исходное многообразие посредством различных процедур отождествления, таких как метафора и фундаментализм. Фундаментализм требует представить научное знание в обобщенной единообразной форме, в которой индивидуальные различия исчезают. Альтернативой фундаментализму является возникшая еще в Античности стратегия обращения к эйдосу. Генерализация здесь достигается не путем сведения всего к общему корню, а указанием на причастность к эйдосу, на сходство с ним. Эйдос выступает в качестве идеала, к которому ведет множество путей. Новыми линиями антифундаментализма являются возникшие в XX в. стратегии дополнительности и мозаичности.

Вопросу единства мира — одному из основных в творчестве С.Т. Мелюхина — посвящена статья А.С. Щербакова «Синергетика и проблема единства мира». Написана она в том же ключе опоры на современное естествознание, что и работы С.Т. Мелюхина. Учитывая данные последнего времени, автор опирается на результаты кибернетики, теории информации, синергетики и новейшей физики. Но если в работах С.Т. Мелюхина речь шла о материальном единстве мира, то А.С. Щербаков приходит к выводу о том, что существует также информационное единство мира. Центральной идеей здесь является представление о всеобщей естественной информационной скоррелированности материальных тел. Будучи производным атрибутом материи, сама информация идеальна и не подчиняется законам физики. Однако именно она «служит агентом самоорганизации материальных систем всех уровней» (С. 319), обеспечивая эту сторону их единства.

В статье А.Н. Павленко «Идеалы рациональности в современной науке» анализируется введенное автором понятие «стадия эмпирической невесомости теории». Это понятие обсуждается в связи с особенностями инфляционной космологии. На ее примере А.Н. Павленко демонстрирует происходящую в современной физике смену идеалов рациональности, «когда теоретические разработки не только сильно опережают опытные исследования, но по некоторым направлениям опередили их, возможно, навсегда» (Т. 3. — С. 342). Таким образом, в случае приобретшей парадигмальный статус инфляционной космологии мы сталкиваемся с находящейся в стадии эмпирической невесомости наукой преимущественно о

ненаблюдаемых объектах. Сложившаяся эпистемологическая ситуация требует переосмысления таких понятий, как цели науки, научность, теория и опыт.

Завершает третий том статья С.Т. Мелюхина «Преемственность знания и интеграция науки». Автор различает преемственность в рамках одной науки, преемственность в системе наук и преемственность в философских основаниях наук. Формы обеспечения преемственности могут быть разными. В простейшем случае это воспроизведение предшествующих текстов в последующих изданиях. Другой формой является критическая преемственность, стремящаяся отбрасывать ошибки и заблуждения и сохранять истинные элементы знания. В кумулятивистской концепции эти истины накапливаются, подобно строящемуся из отдельных кирпичей храму. Однако эта картина более применима к накоплению экспонатов в музеях и книг в библиотеках, чем к науке. Адекватной формой выражения преемственности в науке является принцип соответствия. Но и здесь следует избегать расширительного толкования этого принципа. Ведь наряду с соответствием существует и несоответствие теорий.

В целом трехтомник, посвященный С.Т. Мелюхину, несомненно, удался. В нем воплощена та самая преемственность знания, о которой писал Серафим Тимофеевич. Его труды не только не утратили актуальности, но и служат основой для дальнейшего продвижения вперед в области философского познания. Можно надеяться, что выход в свет этого трехтомника будет способствовать возрождению интереса к научной философской онтологии, для развития которой так много сделал С.Т. Мелюхин.